

Привыкшие жить в рамках провинции, они страшно мучились такими мелочами: работает ли их сын, если он формально на работу не ходит?..

Ежели вы прожили век под Сталиным — это вопрос вопросов. А как оценивать: хорошо ли сын живёт? Для глухого уголка понятно и разумно: работаешь на заводе, получил вместо третьего разряда четвёртый — жизнь улыбнулась на полные дёсна! А с писателем — мрак беспросветный! Книжки сына, они, сколь читать ни пытались, так ни одной и не одолели.

Впрочем, у матери было мерило, с которым она подходила ко всем: пьёт — не пьёт... Бывало, приеду в гости, она, укараулив минутку, со всем материнским страданием как выстрелит: «Володя-то, поди, пьёт?» Я от вопроса соляным столбом замираю. Она же, поняв это по-своему, заплачет быстрыми женскими слёзками: «Значит, ПЬЁТ?!»

Подготовка к броску

Он погнался за ним. О, не лежачим, иногда отступал, ввязываясь в мелкие кампании, писал рассказы, очерки в вылетающие по случаю сборники, но постоянно шёл, двигался и уже наступал. Работал яростно, страстно: каждые два года — роман либо повесть. Брат был западником с точки зрения писательства, это ведь чисто западная черта — золотой роман, по которому тебя и запомнят!

Ещё: он прошёл мимо и не примкнул ни к одной из литературных стай! Их было много, там знали друг друга по запаху, по каким-то приметам, дрались за любого, кто близок, кто свой. Такие стаи были у Астафьева, Битова, Бондарева, вожак наблюдал, чтобы издавались даже самые бездарные — это была философия круга, а если кого-то били — на обидчика, ощерив клыки, бросались все... Брат до конца остался одиночкой — гордым, неизменным на цеховую ложь. Романтик — для него литература была религией.

Он постоянно рос и рос, в середине 1980-х его таланту поклонилась могущественная вдовица — Москва, книги писателя Соколовского рассыпью лежали по издательствам. И здесь история свинцовым шариком покатила в другую сторону. Его обманули все кни-



гоиздатели, это было время, когда деньги переключались из одного кармана в другой. Но брата уже нельзя было остановить, он не обратил на заячий скок времени внимания: он был близок к главной цели — он загнал зверя и именно сейчас должен был его взять. Настало его время, его миг.

Он написал свой золотой роман — «Уникум Потеряева». Сделал то, к чему шёл всю жизнь, сейчас его ждал триумф, подготовка к следующему броску...

Но тут погас свет

Он почувствовал себя плохо внезапно. Однажды, когда поднимался по длинной лестнице. И сразу понял: дело плохо. Какое-то время откладывал, а потом решил на операцию. Сердце.

Писатели пишут романы, но судьба переписывает их жизнь.

В то время, когда хирурги прилаживали к его сердцу новые сосуды, внезапно вырубил свет. На какое-то время аппарат, который гнал по телу кровь, остановился. Когда его вытащили с того света, он снова начал жить, дышать. Но едва попытался вернуться к работе — понял: роковой блэкаут во время операции лишил его главного — пропал талант писателя. Чудо, метафизика, которая была в нём, ушла, оставив его, растерянного, на обочине жизни...

Он не смог написать за следующие 14 лет ничего стоящего. Это была трагедия, замкнутая в одиночестве души.

Последний полёт

Когда я читаю его «Уникум», чувствую, как он летел: рискованно и бесшабашно. Его отпустили все страхи быть непонятым, он позабыл напрочь о стилях и канонах, и — только восторг от свободы, бьющего навстречу ветра, от дали, которая легла до дуги горизонта.

Так, иногда увидишь улично-го циркача, стоящего на голове, и удивись — сколь это удобно и естественно — следует лишь принять его правила игры...

Он написал золотой роман, но не смог его «продать». Хотя начало жизни романа выглядело обещающе. Двинули на Букера. Но общество уже бежало от литературы. Члены букеровского комитета знали: правит сейчас не талант, а издательская коммерция, пиар-проекты.

То, что «Потеряев» «умер» и лёг в стол, стало для брата невыносимо тяжёлой ношей. Он был растерян и подавлен: «Как же так, мир? Ведь я написал!?»

Я видел его за год до смерти. Сердце сжалось, когда заметил, что он не в силах долго идти, ему требовались остановки, отдых...

Я ждал и боялся этого телефонного звонка. Он раздался в феврале: «Вовка умер...»